

НЕКОТОРЫЕ СЛЕДЫ БАЛГО-ФИНСКИХ КОНТАКТОВ
В СИНТАКСИСЕ БАЛТИЙСКИХ ЯЗЫКОВ

В. Амбразас (Вильнюс)

Одной из синтаксических изоглосс, охватывающих восточнобалтийские и некоторые прибалтийско-финские языки, является употребление отглагольных именных форм для выражения косвенно воспринятого, чаще всего пересказанного действия. В литовском языке для этого используются главным образом номинативы действ. причастий на *-nt* и *-us* (*tēvas dirbqas*/*dirbqes*/*dirbdavęs*/*dirbsius* 'отец якобы работает, работал, будет работать'), реже — формы среднего рода страдательных причастий на **mo* и **to*: *tēvo dirbama*/*dirbta* 'то же'; в латышском — застывшие формы тех же действительных причастий: *tēvs strādājuot*, *strādājis*/*strādāšuot*. Включение форм на **nt* и **us* в парадигмы глагольного спряжения в литовском и латышском привело к образованию косвенного наклонения (*modus relativus*)¹.

Парадигмы отглагольных форм соответствующего значения существуют в эстонском и ливском языках. В эстонском для выражения пересказанного действия употребляются партитивы действ. причастий на *-vat* (напр.: *isa töötavat* 'отец, мол., работает'), а также девербативы на *-ma* (*ei olemagi*) и инфинитивы на *-da* (*ma voida* 'я, мол., знаю') [4, р. 236—240]. В ливском языке косвенно воспринятое действие передается при помощи отглагольных имен (*nominata agentis*) с суффиксом *-iji* (*ta luggiji* 'он якобы читает') [5, с. 15; 6, с. 145, 148].

На сходство латышского и эстонского косвенного наклонений обратил внимание Петер Арума в 1935 г. [7, S. 46]. Позже Витторе Пизани высказал мнение, что косвенное наклонение восточнобалтийских языков может быть заимствовано из прибалтийско-финских [8, I, 215]. Критически оценивая эту гипотезу, И. Марван [9, р. 35—37; 10, р. 18] указал на структурные различия эстонского и литовского оборотов (в эст. — партитив, в лит. — номинатив причастия)².

Сравнительно-историческое изучение синтаксической системы причастий позволило нам сделать вывод о том, что синтаксическим основанием косвенного наклонения балтийских языков является преди-

кативное употребление причастий, унаследованное от эпохи индоевропейской языковой общности [11, р. 7—54; 12, р. 170—218; 13, с. 40—46]. Это употребление причастий без связи как эквивалентов спрягаемых форм глагола опирается на структуру древнего номинального предложения с отглагольными именами в качестве предиката. Модальное переосмысление предикативных причастий также является характерной чертой как балтийских, так и других индоевропейских языков. В балтийских языках эти причастия употребляются в императивном, оптативном и адмиративном значениях;ср.: лит. *Ei nq namo!* (*Kuriškis*) 'пойдем домой!', пр. *wesselingi enmigguns* 53 — *fröhlich geschaffen*; лит. *Kad tu skradžžemén nuėjės* (*Gervėčiai*) 'Чтоб ты сквозь землю провалился'; *žiūrēk* — *jis jau i ateinqs* (*Joniškis*) и т. п. В балтийских и славянских языках они были также использованы для образования перифрастического оптатива с вспомогательным глаголом типа лит. *bi negelbqs*, ст.-сл. *ašte bi bylъ* (14, S. 348, 356; 15, р. 402 сл.). Причастные формы косвенного наклонения (особенно прошедшего времени) балтийских языков находятся в тесной связи с перифрастическим перфектом, а использование перфекта для выражения пересказочности свойственно языкам разных семей³ и представляет собой одну из общих тенденций в развитии глагольных систем [22, с. 206—209]. Несомнена также древность балтийских конструкций типа *accusativus/nominativus cum participio*, в которых пересказанное действие выражается причастиями: лит. *sakē ji sergant(i)* — *jis sakesi sergas* [23, р. 195—275; 24, р. 7—67]. Таким образом, все предпосылки для возникновения косвенного наклонения существовали уже в структуре самих балтийских языков. Однако грамматикализация значения пересказочности и создание специальной парадигмы косвенного наклонения здесь протекали, по-видимому, в условиях контактов с прибалтийско-финскими языками. На это указывают следующие обстоятельства:

1. Общность семантической категории пересказанного действия (или засвидетельствованности) при генетическом различии форм ее выражения в балтийских и прибалтийско-финских языках; среди форм данной категории — причастий (в литовском, латышском), деепричастий (в латышском, эстонском), отглагольных существительных (в ливском) генетически тождественны только литовские и латышские формы.

2. Ограничено распространение данной категории в сравнительно небольшом и закрытом ареале, занимающем часть восточного побережья Балтийского моря и охватывающем только непосредственно контактирующие языки: литовский, латышский, эстонский и ливский.

3. Невозможность исторически вывести категорию пересказанного действия ни от индоевропейской эпохи, ни от прибалтийско-финской языковой общности.

¹ Для обозначения этой парадигмы форм применяются также термины *modus obliquus* [1, р. 370], *modus auditivus* [2, I, 902]; по универсальной таблице модусов и модальностей, предложенной Е. Панцером [3, S. 70], — *modus narrativus* (*auditivus*).

² О балтийском характере данных конструкций см. также [1, р. 370].

Следовательно, грамматикализация данной категории должна была протекать *in situ*, на побережье Балтийского моря и, конечно, после распада прибалтийско-финской языковой общности. О том, что тенденция дифференциации прямо и косвенно воспринятого действия более характерна для финно-угорских языков, свидетельствует широкое использование для этого форм перфекта в пермских языках [25, с. 266], прошедшего длительного II времени – в марийском [26, с. 192, 197; 27, с. 232, 248–249; 28, с. 39], а также образование специального наклонения неочевидного действия (абсентива) в мансийском (вогульском) языке [29, с. 137–144].

Распространение идентичной семантической категории в языках, не имеющих прямого родства, предполагает, с одной стороны, наличие языковой интерференции, билингвизма в пограничных полосах, а с другой – относительное языковое единство области проникновения. Именно такие условия создались на территории северной Латвии с V–VI вв. н. э. Археологические данные, приведенные Х. А. Моора [30, с. 123–124], М. Гимбутене [31, р. 141] и др. исследователями, свидетельствуют о том, что восточнобалтийские, главным образом латгальские, племена в то время продвинулись на север, на территории, заселенные предшественниками ливов и южных эстонцев, и распространились до южной границы современной Эстонии. В середине I тысячелетия н. э. прибалтийско-финское языковое единство уже давно не существовало, но восточнобалтийские языки еще образовывали довольно тесную общность, в которой новые явления могли свободно распространяться. Поэтому кажется наиболее правдоподобным соотнести образование парадигмы косвенного наклонения именно с этим периодом.

Степень интенсивности употребления косвенного наклонения в восточнобалтийских языках примерно соответствует близости их связей с прибалтийско-финскими языками: оно наиболее употребительно в латышском языке и в западных, северных и северо-восточных говорах литовского языка⁴. Почти всему этому ареалу свойственны долговременные языковые контакты и широкие зоны субстрата: это прежде всего ливский и южноэстонский субстраты в северной и западной Латвии, куршский – в западной части латышского и литовского ареалов, селонский – в южной Латвии и северо-восточной части Литвы. Наиболее интенсивно косвенное наклонение употребляется именно в той части литовского языкового ареала, где в прошлом бытовали куршский и селонский языки. Через латгальские, куршские и селонские диалекты, подвергшиеся влиянию языка предшественников ливов и южных эстонцев [32, р. 124], категория косвенно воспринятого действия могла распространиться на большой части территории современного литовского языка (прямые контакты прибалтийско-финских языков с литовскими диалектами в то время мало вероятны). В южной

⁴ См. картографическую схему распространения косвенного наклонения в литовских диалектах [11, р. 17].

Литве косвенное наклонение почти не употребляется. Все это хорошо согласуется с предположением, что категория пересказанного действия в балтийских языках распространялась с севера на юг.

Дополнительным аргументом, указывающим на роль языковых контактов в развитии косвенного наклонения восточнобалтийских языков, может служить типологическая параллель на совсем иной окраине индоевропейского языкового ареала – на Балканах. Здесь, в условиях непосредственных контактов с тюркскими языками, в болгарском и македонском языках также были созданы парадигмы пересказывательного наклонения, а в албанском – близкого ему по значению адмиратива-комментатива. Как в балтийских, так и в балкано-славянских языках и в албанском косвенно воспринятое действие выражается предикативными причастиями, которые образуют парадигмы сходной структуры; соответствуют даже сложные формы литовско-латышского косвенного наклонения (напр., лит. *jis esqs rābęs* 'он якобы писал') эмфатическим формам болгаро-македонского пересказывательного наклонения и албанского адмиратива-комментатива, при помощи которых в обоих случаях усиливается недостоверность сообщения, ср. болг. *бил писал* [33, с. 353; 34, с. 166; 35, S. 369]. Семантический спектр модальных значений форм косвенного наклонения в балтийских и балканских языках является также весьма сходным; особенно показательно нетривиальное сочетание аудитивного и адмиративного значений в литовском, болгаро-македонском и албанском. Так как общие черты балтийских и балканских парадигм более подробно освещены нами в другой работе [11, р. 45–47], здесь только подчеркнем, что отношение литовско-латышского косвенного наклонения к прибалтийско-финскому примерно соответствует отношению балкано-славянских и албанских пересказывательных форм⁵ к более древним формам так наз. „заочного претерита“ тюркских языков [19, S. 134; 20, с. 182; 40, с. 231 сл.].

Среди других грамматических явлений, общих для балтийских и прибалтийско-финских языков, особенно привлекает внимание типологическое соответствие постпозиционных локативов: инессива, адессива, иллатива и аллатива [41; 42, р. 112; 43, р. 19; 44]. Развитие этих форм обычно рассматривается только на морфологическом уровне. Однако их основание заложено в синтаксисе. Все постпозиционные локативы литовского и латышского языков по своему происхождению являются окаменевшими синтаксическими конструкциями, образованными от косвенных падежей имен и послелогов **-en*, *-na*, *-pi(e)*: лит. инес. ед. ч. *rañkoje*<**rankāi-en* 'в руке', ил. ед. ч. *rañkon*<**rañkān-na* 'в руку', адес. ед. ч. *natiē-pi* 'у дома', ал. ед. ч. *natiō-pi* 'домой, к дому'.

Эти послелоги как по своей форме, так и по семантике соответствуют предлогам. Постпозиция **-pi(e)* этимологически тождественна предлогам лит. *pie*, лтш. *pie*(<**pie*), лит. *prie*, пр. *prēi* [2, 1. 679–680; 45, S. 231;

⁵ О балкано-славянских пересказывательных формах в последнее время см. еще: [36, с. 83–138; 37; 38, с. 125–133]; об албанском адмиративе см.: [39, с. 90–124].

46, р. 260], об еще живой семантической связи постпозиции и соответствующего предлога в XVI в. свидетельствует новообразование *natorpi* у Бреткунаса (*Postilla II* 114) [47, S. 254]. Постпозиция *-na* в формах иллатива может быть соотнесена с предлогами лит. *nuo*, пр. *no* 'от', которые могут рассматриваться как варианты той же формы с долгим гласным, т. е. **nō* [45, S. 230]⁶ (относительно противоположности направления ср. отношение балт. *at-* к сл. *otъ*). Постпозиция инессива **-en* также тождественна по происхождению предлогу лит. *i<*in*, пр. *en*, лтш. (преф.) *ie- < *en* 'в'. В развитии синтаксических конструкций с этими послелогами можно выделить следующие этапы:

1. Выражение пространственных отношений локативом местонахождения, аккузативом и генитивом направления с уточняющими элементами наречного характера (превербами).

2. Превращение этих уточнений пространственного значения в послелоги.

3. Адвербиализация послеложных конструкций и сращение послелогов с падежными формами.

4. Частичное включение новых адвербиальных форм в парадигмы именного склонения в качестве разновидностей локатива.

5. Смена трех постпозиционных локативов (иллатива, аллатива и адессива) синтаксическими конструкциями, но с предлогами. Этот этап наблюдается уже в исторический период развития литовского языка.

Таким образом, история постпозиционных локативов представляет собой характерный пример смены синтаксических конструкций с послеложными конструкциями с предлогами — процесса, в котором морфологические изменения играют роль только промежуточного звена.

Исконно прабалтийский характер первых двух — целиком синтаксических — этапов развития не вызывает сомнений. Наряду с многочисленными соответствиями в других индоевропейских языках на древность послелогов в именных конструкциях восточнобалтийских языков указывают также реликты постпозитивного употребления лит. *dēl*, *drin*, *dril(ei)*, лтш. *dēl*, *pēc* и др., напр., лит. *jo drin*, *jū dēl*, лтш. *tēva dēl*, *manis dēl*, особенно в адвербиализованных конструкциях типа лит. *kodēl*, *todēl*, *kodrin*, *todrin*. С типологической точки зрения они хорошо согласуются с характерной для балтийских языков начальной позицией приименного генетива [50, р. 107–110]. Другое дело — морфологизация этих конструкций, их превращение в разновидности локативных форм (4-й этап). Среди индоевропейских языков это явление наблюдается только в восточнобалтийских языках; даже в прусском языке, кроме не совсем ясной формы *andangonsvēn* (?) в поврежденном рукописном отрывке *Pater noster* начала XV в. [51, р. 102–106; 52, р. 224–225], несомненных примеров постпозиционных локативов не обнаружено.

⁶ Сходным образом с предлогом лит. *i*, пр. *en* соотносится постпозиция **an<*on/en*, которую в иллативе усматривают некоторые исследователи [48, S. 272, сл.; 49, S. 78].

В прибалтийско-финских языках пространственные падежи с агглютинативными суффиксами — инессив, иллатив, адессив, аллатив — считаются унаследованными от времени общности этой языковой группы [53, с. 85; 54, с. 125; 55, с. 30]; последние два — от ее позднего периода [55, с. 30]. Образование разных пространственных падежей путем агглютинации послелогов — характерное, весьма распространенное явление в разные периоды развития языков данной группы [28, с. 105–113; 126–136; 56]. При таких условиях стимулирующее влияние прибалтийско-финских языков на морфологизацию синтаксических конструкций с послелогами пространственного значения в восточнобалтийских диалектах является весьма правдоподобным, особенно если иметь в виду типологическое соответствие самой модели построения и синтаксики иллатива, аллатива и адессива. В этом отношении постпозиционные локативы как будто образуют параллель косвенному наклонению. Однако их распределение на территории восточнобалтийских диалектов сильно отличается, является почти противоположным, причем особенно показательно исчезновение иллатива, аллатива и адессива в латышских говорах и жемайтском диалекте. Это объясняется гораздо большей древностью образования постпозиционных локативов, на что указывают их формальные особенности, особенно сохранение долгого гласного с *i* и *n* в лит. инессиве основ на *ā*: **rankāi-en*, иллативе **rankān-na* и т. п. [15, р. 159; 46, р. 191, 255; 52, р. 310]. Однако некоторые другие формы постпозиционных локативов, особенно множественного числа, являются более поздними, даже вторичными (напр., адессивы типа лит. *laukosempr*). Следовательно, процесс агглютинации разных послелогов продолжался весьма длительное время⁷. Начало этого процесса можно отнести только к более отдаленной эпохе балто-финских языковых контактов, о которых свидетельствуют также многочисленные лексические заимствования в языках обеих групп.

ЛИТЕРАТУРА

1. Mathews W. K. Lithuanian constructions with neuter passive participles. — Slavonic and East European Review, 1955, vol. 33, N 81.
2. Endzelīns J. Latviešu valodas gramatika. — Rīga: Valst. izdevn., 1951.
3. Panzer B. Modalitäten und Modi in der Linguistik. — In: Otázky slovanské syntaxe. Brno, 1973, r. 3.
4. Kask A. Die indirekte Redeweise in der estnischen Schriftsprache. — In: Congressus tertius internationalis finno-ugistarum. Tallinn, 1975, t. 1.
5. Аристэ П. А. Формирование прибалтийско-финских языков и древнейший период их развития. — В кн.: ВЭИ. Таллин: Эстгосиздат, 1956.
6. Вяари Э. Э. Ливский язык. — В кн.: ЯН. М.: Наука, 1966. т. 3.
7. Lohmann J. Ist das idg. Perfektum nominalen Ursprungs? — Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen, 1937, B. 64.

⁷ К соответствующему выводу пришел З. Зинкявичюс в новейшем исследовании литовских постпозиционных локативов [57, р. 21–38].

8. Pisani V. Zu einer Baltisch-estfinnischen Partizipialkonstruktion. — In: Rakstu krājums. Veitījums akad. prof. dr. Jānim Endzelīnam viņa 85 dzives un 65 darba gadu atcerēi. Rīga, 1959.
9. Марван И. О некоторых функциях литовского причастия. — Kalbotyra, 1962, т. 3.
10. Марван И. К вопросу о лингвогеографическом положении балто-славянских языков. — Baltistica, 1969, т. 5(1).
11. Ambrasas V. Netiesioginės nuosakos (modus relativus) paplitimas ir kilmës problema. — LKK, 1977, т. 17.
12. Ambrasas V. Lietuvių kalbos dalyvių istorinė sintaksė. — V.: Mokslas, 1979.
13. Амбразас В. Исторический синтаксис причастий литовского языка: Автограф. докт. дис. — Вильнюс, 1978.
14. Stang Chr. Die litauische Konjunktion jeib und der lit.-lett. Optativ. — Norsk Tidsskrift for Språkvidenskap, s. a., B. 18.
15. Kazlauskas J. Lietuvių kalbos istorinė gramatika. — V.: Mintis, 1968.
16. Bloch J. La phrase nominale en sanscrit. — Memoires de la Société de Linguistique de Paris, 1908, N 14.
17. Renou L. La valeur du parfait dans les hymnes védiques. — Paris, 1925.
18. Meyer-Lübke. Grammatik der romanischen Sprachen. — Leipzig, 1898, B. 3.
19. Grünenthal O. Zum Perfekt. — Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen, 1936, B. 63, Hf. 1–2.
20. Гаджиева Н. З. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. — М.: Наука, 1973.
21. Салтухицивили У. Д. Sintagmātika, paradigmātika un to savstarpējās attieksmes sintakses līmeni. — Rīga, 1970.
22. Серебренников Б. А. Вероятностные обоснования в компаративистике. — М.: Наука, 1974.
23. Ambrasas V. Galininko su dalyviu (accusativus cum participio) struktūra ir vartosena senojoje lietuvių kalboje. — LKK, 1974, т. 15.
24. Ambrasas V. Lietuvių kalbos vardininko su dalyviu (nominativus cum participio) struktūra ir raida. — LKK, 1978, т. 18.
25. Серебренников Б. А. Историческая морфология пермских языков. — М.: Изд-во АН СССР, 1963.
26. Современный марийский язык. Морфология. — Йошкар-Ола, 1961.
27. Коведяева Е. И. Марийские языки. — ЯН. М.: Наука, 1966.
28. Майтиская К. Е. Историко-сопоставительная морфология финно-угорских языков. — М.: Наука, 1979.
29. Ромбандеева Е. И. Мансийский (вогульский) язык. — М.: Наука, 1973.
30. Moore X. A. Вопросы сложения эstonского народа и некоторых соседних народов в свете данных археологии. — ВЭИ. Таллин, 1956.
31. Gimbutas M. The Balts. — London, 1963.
32. Мажюлис В. Социолингвистические заметки к архаическому характеру языка (Балтийские языки). — Baltistica, 1974, т. 10(2).
33. Лемина Е. И. Пересказывательные формы в современном болгарском литературном языке. — В кн.: Вопросы грамматики болгарского литературного языка. М., 1959.
34. Станков В. Българските глаголни времена. — София, 1969.
35. Fiedler W. Zu einigen Problemen des Admirativs in den Balkansprachen. — In: Actes du I Congrès International des Études Balcaniques et Sud-est-européennes. Sofia, 1968, B. 6.
36. Кушаров И. К. Граматичната категория преизказност/непреизказност в съвременния български език. — Годишник на Софийския университет, 1979, т. 70, № 1.
37. Roth J. Die indirekten Erlebnisformen im Bulgarischen. — München, 1979.
38. Шапова Э. К. Глагольные формы для пересказывания в македонском литературном языке. — В кн.: Проблемы синтаксиса языков балканского ареала. Л., 1979.

39. Сытов А. П. Категория адмирativa в албанском языке и ее балканские соответствия. — В кн.: Проблемы синтаксиса языков балканского ареала. Л., 1979.
40. Конов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. — М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1956.
41. Meillet A. La méthode comparative en linguistique historique. — Paris, 1937.
42. Sabaliauskas A. Baltų ir Pabaltijo suomių kalbų santykiai. — LKK, 1963, т. 6.
43. Марван И. К вопросу о лингвогеографическом положении балто-славянских языков. — Baltistica, 1969, т. 5(1).
44. Scholz F. Entwicklungstendenzen des litauischen Nominalsystems. — In: Ost und West. Wiesbaden, 1977, B. 2.
45. Stang Chr. Vergleichende Grammatik der baltischen Sprachen. — Oslo—Bergen—Tromsø: Universitets forlaget, 1966.
46. Zinkevičius Z. Lietuvių kalbos istorinė gramatika. — V.: Mokslas, 1980.
47. Bezzemberger A. Beiträge zur Geschichte der litauischen Sprache. — Göttingen, 1877.
48. Zubatý J. Baltische Miszellen. — Indogermanische Forschungen, 1896, B. 6.
49. Otrębski J. Gramatyka języka litewskiego. — Warszawa: Państw. wyd. naukowe, 1956, т. 3.
50. Ambrasas V. Žodžių tvarka ir baltų kalbų saknio tipo rekonstrukcija. — Baltistica, 1982, т. 18(2).
51. Mikalauskaitė E. Priešreformacinių laikų prūsiško Tėve Mūsų nuotrupa. — Archivum Philologicum, 1938, т. 7.
52. Mažiulis V. Baltų ir kitų indoeuropiečių kalbų santykiai (Deklinacija). — V.: Mintis, 1970.
53. Хямляйнен М. М. О развитии внутренне-местных падежей в прибалтийско-финских языках. — В кн.: Прибалтийско-финское языкознание. М., 1961.
54. Хямляйнен М. М. Внешне-местные падежи в северо-восточной группе прибалтийско-финских языков. — В кн.: Вопросы финно-угорского языкоznания. М., 1962.
55. Аристэ П. А., Влари Э. Э. Прибалтийско-финские языки. — ЯН. М., 1966.
56. Oinas F. J. The Development of Some Postpositional Cases in Balto-Finnic Languages. — Helsinki: Suomalais-Ugrilainen seura, 1961.
57. Zinkevičius Z. Lietuvių kalbos postpoziciniai vietininkai. — Baltistica, 1982, т. 18(1).

SPUREN DER BALTISCH-FINNISCHEN BEZIEHUNGEN IN DER SYNTAX DER BALTISCHEN SPRACHEN

V. Ambrasas

Z u s a m m e n f a s s u n g

Zwei syntaktische Isoglossen auf dem baltischen und ostseefinnischen Gebiete sind erörtert worden: 1) modus relativus (resp. obliquus) und 2) die postpositionalen Lokalkasus.

Modus relativus der ostbaltischen Sprachen ist aufgrund der alten, aus der indogermanischen Zeit ererbten prädiktiven Funktion der Partizipialformen entwickelt. Aber die modale Umdeutung der prädiktiven Partizipien für die Wiedergabe der indirekt vernommenen Handlung und ihre Einreihung in Verbalparadigma verlief unter dem Einfluss der ostseefinnischen Dialektken. Die semantische Kategorie der indirekt vernommenen Handlung wurde im Ostbaltischen aller Wahrscheinlichkeit nach im 5. bis 6. Jahrhundert grammatisiert. Typologisch ähnliche Grammatikalisierung der entsprechenden semantischen Kategorie auf dem Grenzgebiete der indogermanischen Sprachen ist in den Balkansprachen zu beobachten (vgl. einerseits das bulgaro-makedonische Kommentativ sowie albanische Admirativ und andererseits das türkische „Präteritum der Überlieferung“).

Die Entwicklung und Schwund der postpositionalen Lokalkasus im Ostbaltischen ist als ein syntaktischer Prozess des Ersetzens der postpositionalen durch die präpositionalen Konstruktionen aufgefasst. Der stimulierende Einfluss der ostseefinnischen Sprachen kann nur für die Periode der Morphologisierung der einzelnen Lokalkasus und der Agglutination der Postpositionen angenommen werden.

ВКЛАД РОДСТВЕННЫХ БАЛТИЙСКИХ ДИАЛЕКТОВ
В ЛИТОВСКИЙ ЯЗЫК (по топонимическим данным)

А. Ванагас (Вильнюс)

В своем развитии литовский язык претерпел влияние родственных балтийских диалектов, ареалы которых в той или иной степени покрываются территорией современного литовского этноса. Это влияние достаточно отчетливо проявляется и на онимическом, и особенно на топонимическом уровнях. Примечательно, что некоторые топонимические элементы исчезнувших в XIII–XIV вв. балтийских диалектов влились в литовский язык, сохраняя черты, которые не свойственны литовскому языку, напр.: наличие согласных *z*, *s* вместо *ž*, *š* (*Azāgis*, *Zebrīšs*, *Zēļvē*, *Zalūlis*; *Kirsna*, *Apsīngē*, *Āpusinas*, *Lūkstas*), сохранение тавтосиллабического *η* в некоторых западножемайтских диалектах (*Ténžē*, *Rānžē*, *Impiltis*⟨**Inpiltis*⟩, респект балтийского дифтонга *ei* вместо *ie* (*Léipalingis*, *Veisiējis*, *Séivēs*) и др. Топонимы, имеющие такие особенности, вошли в систему литовского языка сравнительно поздно, можно сказать, механически, до сих пор оставаясь лингвистически обособленными ее элементами.

Степень и объем вклада других балтийских диалектов в литовский язык в настоящее время могут быть выявлены только предварительно. Что же касается топонимии, то на сей день уже известно несколько десятков топонимов, имеющих фонетические, морфологические, лексические черты, более характерные для других балтийских диалектов, чем для литовского языка. Эти топонимы подразделяются на южные (связываемые с ятвяжским), северо-восточные (связываемые с селонским), средне-северо-литовские (связываемые с жемгальским) и северо-западные (связываемые с куршским диалектом).

Южные (прелиминарно соотносимые с ятвяжами): 1. Словообразовательные: топонимы с ударяемым окончанием *-is* и, частично, с суффиксами *-ingē*, *-ingis*; непопулярность гидронимов с суффиксами *-ausis*, *-eta*, *-etas*, *-ina*, *-inas*, *-ain-*, *-(m)en-*. 2. Фонетические: а) с согласным *s* вместо *š* (*Kirsna*, *Sakna*, *Sāknas*, *Serwy*, *Pērsas*, *Veisiējis*, *Apsīngē*, *Apsuonā*, *Slīminas*, *Svetūs*); б) с согласным *z* вместо *ž* (*Azāgis*, *Berznykas*, *Зельва*, *Зебрь*, *Злина*, *Jiēznas*, *Zāpse*, *Zap-*⟨**Zāpīs*, *Zebrīšs*, *Zerryūlos*, *Zervyna*, *Zervýnas*, *Zerryýnos*, *Zúokas*, *Gai-zīākalnis*, *Pezélvē*, *Pramezys*, *Zaizdráuka*, *Zāmbē*, *Zebréni*, *Zélvā*, *Zēlēvē*); в) с дифтонгом *ei* вместо *ie* (*Léipalingis*, *Veisiējis*, *Deivōniškiai*, *Séivēs*). 3. Лексические: *Gālintas*, *Gāliekas* (пр. *gāylis* 'белый'), *Kirsna* (пр. *kirsnan* 'черный'), *Līndē* (пр. *līndan* 'долина'), *Palvē* (пр. *palwe* 'пузырь').

тыня, моховое болото без деревьев, боровые пески'), *Pentā* (пр. *pintis*, *pentes* 'дорога'), *Sasnā* (пр. *sasnīs* 'заяц'), *Sperniā* (пр. *sparyus* 'луг, пастбище'), *Stabingis* (пр. *stabis* 'камень').

Северо-восточные (прелиминарно соотносимые с селонами):

1. Словообразовательные: гидронимы с суффиксами *-asa*, *-esa*, *-asas*, *-esas*, *-aja*, *-ukštis*, *-éta*, *-étas* и, частично, *-intas*; непопулярность гидронимов с суффиксами *-yčia*, *-ija*.
2. Фонетические: а) с согласным *s* вместо *ž* (*Āpsas*, *Silyina*, *Sirvēta*, *Sirvētas*); б) с согласным *z* вместо *ž* (*Azarinā*, *Erzvēlu*, *Erzvētas*, *Izītas*, *Jūzintas* (в настоящее время *Jūzintas*), *Keižaras*, *Ūzinas*, *Vazajā*, *Vāzajis*, *Zaduojys*, *Zalūlis*, *Zálvas*, *Zálvē*, *Zalvēlis*, *Zalvys*, *Zarasaī*, *Zasinýtis*, *Zasinýciai*, *Zasinýtē*, *Zémda*, *Zirnajys*, *Zizdrā*, *Zùntē*); в) с аффрикатами *c(č)*, *dz* вместо мягких согласных *k'*, *g'* (*Dzirnytē*, *Dzirnū ūžeras*, *Čēdasas*, *Čerē-iūpys*, *Čiūnas*, *Či-čirys*, *Čīvīliai*, *Cinaités*, *Čīvīškiai*, *Viculēlis*).
3. Лексические: *Ais-purvē*, *Aišlas*, *Cāplio kalnēlis*, *Cūku grāvis*, *Bēdres*, *Bēdros*, *Driņgis*, *Dūkštas*, *Kēvēs Dūkšta*, *Dūkštēlis*, *Dūkštā*, *Dukstynā*, *Dūkštā*, *Duōrpis*, *Duōrpis*, *Gariavā*, *Glaužinys*, *Glizdiniai*, *Guopys*, *Lešk-upys*, *Lēvuō*, *Maguīlis*, *Rovēja*, *Tūolas*, *Vāsaknas*) [1, p. 155].

Среднесеверные (прелиминарно соотносимые с жемгалами):

1. Словообразовательные: судя в основном по историческим записям – это гидронимы с суффиксом *-ava* [2, p. 254]; непопулярность гидронимов с суффиксами *-auja*, *-i(j)t*, *-ng*.
2. Фонетические: а) с согласным *s* вместо *ž* (*Svidikynē*, *Svētimai*, *Svīkkalis*) [3, p. 28]; б) с согласным *z* вместо *ž* (известны только исторические записи топонимов, где вместо *ž* выступает *z*) [2, p. 253]; в) анатаксис: *Skarādžius* (<*Skarādžius*) и, возможно, *Šīladis* (<**Sildis*), спр. эст. *sild* 'мост' [4, p. 263].
3. Лексические: *Bēdrē*, *Cēplius*, *Cikstē*, *Drukys*, *Dublis*, *Gruōtē*, *Krūoja*, *Ruōtis*, *Vegeře* [1, p. 155].

Западные (прелиминарно соотносимые с куршами): 1. Словообразовательные: гидронимы с суффиксами *-alē*, *-alis*; непопулярность гидронимов с суффиксами *-aitē*, *-aitis*, *-ēlē*, *-ēlis* [5, p. 284]. 2. Фонетические: а) с согласным *s* вместо *ž* (*Āpusinas*, *Lūkstas*, *Sveiñcelē*); б) с согласным *z* вместо *ž* (*Ūzlēs*, *Zabikai*, *Zirgo rāgas*, *Zvizdrālēs*, *Zvizdrē*, *Zvizdrjēnē*); в) с согласным *c(č)* вместо мягкого *k'* (*Cēdvē*, *Cēto kālnas*).

3. Лексические: *Alangā*, *Alaukstis*, *Blāķē*, *Blidakē*, *Burkālē*, *Damašā*, *Dūkšmē*, *Gātē*, *Gātupis*, *Glīvījā* (ср. лтш. *glīvē* 'слизь'), *Grýva*, *Kalčiā*, *Kaltis*, *Kerbēsas*, *Kēvē*, *Kniāvas*, *Kniāvasis*, *Krýn-upis*, *Kulkā*, *Kuōpis*, *Lamsōcīai*, *Liuvýnas*, *Lūkainis*, *Miklinys*, *Pluñkē*, *Rāžē*, *Reñgē* (ср. лтш. *reñge* 'рыба, салака'), *Sárkainis*, *Tamšā* [1, p. 155].

Субстратных топонимов, сохранивших особенности исчезнувших балтийских диалектов, в литовском языке в настоящее время мало, да и к тому же часть из них почти не маркирована в ареальном отношении. Например, известно, что все исчезнувшие балтийские диалекты – ятвяжский, селонский, жемгальский, куршский – вместо лит. *ž*, *š* имели *z*, *s*. Это значит, что при отнесении топонимов, имеющих *z*, *s* вместо *ž*, *š*, к селонскому или жемгальскому, к жемгальскому или куршскому и т. п. приходится руководствоваться не самыми этими